

Лампы дневного света в переговорной гудели, словно неугомонный рой пчёл. Се Линь стоял в самом конце длинного стола, его чёрная рубашка была застёгнута на самую верхнюю пуговицу, манжеты застёгнуты безупречно, даже складки казались отмерянными по линейке. Перед ним лежал развёрнутый лист формата А4, на котором красовались пять слов: «Заявка на психологическое освидетельствование», а в правом нижнем углу стояла красная печать медицинского отдела тренировочного лагеря.

— С сегодняшнего дня Группа Никчемы официально включается в тренировочный процесс основного состава, — его голос был негромким, но от него у всего помещения перехватило дыхание. — Но есть одно условие.

Лу Цзин прислонился к углу стены, в его руке была зажата половина бутылки ледяной воды, по пластику которой скатывались капли, стекая по его пальцам. Он не смотрел на Се Линя, уставившись на бумагу на столе, и уголки его губ чуть дёрнулись.

— Ты боишься, что я сойду с ума, — произнёс он, и его голос звучал так, будто наждачной бумагой терли по железу. — Боишься, что я тебя разоблачу.

Воздух застыл.

Сидевший слева помощник тренера приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но один взгляд Се Линя пригвоздил его к месту.

Се Линь не шелохнулся и не стал отпираться. Он лишь медленно поднял руку и подвинул бланк оценки к Лу Цзину.

— Распишись.

Лу Цзин рассмеялся.

Это была не усмешка и не насмешка — это был тот самый рождающийся из глубин горла смех, отдающий привкусом кровавой ржавчины. Он резко схватил бумагу и рванул её обеими руками —

Хрупкий треск рвущегося листа прозвучал точь-в-точь как тот глухой звук ломающейся кости в раздевалке семь лет назад.

Он бросил обрывки прямо в лицо Се Линя, и бумажная крошка, словно снег, полетела во все стороны.

— Ты боишься не того, что я сойду с ума, — Лу Цзин подался на шаг вперёд, и пот, похожий на дождевую воду, струился по его вискам. — Ты боишься, что я выиграю, но перестану быть собой.

Се Линь не увернулся, не отступил назад и не разозлился. Он лишь опустил голову, глядя на те кусочки бумаги, что упали ему на носки туфель, словно наблюдая за похоронами, которые уже разыгрывались в его мыслях тысячи раз.

— Ты помнишь, как накануне финала, семь лет назад, ты спросил меня, — внезапно заговорил он, и голос его звучал так тихо, что его едва можно было расслышать. — Тренер, если я пробью ту дугу, неужели тебе больше не придётся лгать за меня?

Зрачки Лу Цзина резко сузились.

Се Линь поднял глаза, и его взгляд наконец остановился на его лице.

— Тогда я сказал: «Бей, я прикрою».

Он сделал паузу и произнёс по слогам:

— Теперь я говорю то же самое.

Он повернулся и, не сказав больше ни слова, толкнул дверь и вышел.

В переговорной царил мёртвая тишина. Никто не смел шевельнуться, никто не смел дышать. До тех пор пока Лу Цзин резко не схватил со стола бутылку с водой и со злостью не швырнул её оземь.

— Бам!

Стекло разлетелось на куски, ледяная вода брызнула во все стороны.

Он развернулся и большими шагами вышел за дверь, не оглядываясь.

Ночь была глубока.

Огни на тренировочном поле оставались единственным источником света, словно одинокий остров, дрейфующий в бескрайней темноте.

Се Линь стоял перед видеомэгнитофоном, его палец завис над кнопкой воспроизведения и всё никак не опускался.

На нём был старый свитер, воротник растянулся, обнажая бледный шрам на ключице — семь лет назад, когда Лу Цзина уносили на носилках, Се Линь бросился вперед, пытаясь остановить носилки, и порезался о металлический каркас.

Он нажал на воспроизведение.

Экрана ожил.

На видео был запечатлен финал семилетней давности, шёл проливной дождь, трибуны шумели. Камера приблизилась: Лу Цзин в футболке под номером 17 вёл мяч на бешеной скорости, его левая нога, словно нож, разрезала тройную оборону противника. В последнюю секунду его сбили подкатом сзади — движение было настолько чистым, что не тянуло на фол, но при этом жестоким, как будто всё было спланировано заранее.

Весь стадион взвизгнул.

Он рухнул на землю, не кричал, не плакал, лишь уставился на мяч и дюйм за дюймом, опираясь руками о землю, волоча ту сломанную ногу, пополз к нему.

Он поднял его и улыбнулся.

— Ещё могу играть.

Камера запечатлела улыбку на его лице — бледную, но ослепительно яркую.

Пальцы Се Линя дрожали так, что он едва мог удержать пульт.

Запись продолжалась.

На скамейке запасных тренерский штаб хранил гробовое молчание. Кто-то закрывал лицо руками, кто-то опускал голову, кто-то украдкой утирал слёзы.

Камера скользнула вдоль кромки поля — Се Линь стоял там, его чёрный зонт вывернуло ветром, и дождевая вода катилась по его подбородку. Он не двигался, не кричал, не бросался вперед.

Он просто смотрел.

Смотрел на то, как этот ребёнок сломанной ногой разбил вдребезги весь мир.

Запись закончилась.

Экран погас.

Се Линь стоял на прежнем месте и долгое время спустя тихо произнёс:

— В тот день плакал не ты, плакал я.

Голос был слишком тихим, у него не было даже эха.

Он поднял руку и выключил питание.

В темноте он закрыл глаза.

Позади слышались совсем лёгкие шаги.

Се Линь не обернулся.

Он знал, кто это.

Лу Цзин стоял у окна, стекло отражало его нечёткий силуэт. Он не плакал, не ругался, не хлопал дверью и не разворачивался, чтобы уйти.

Он просто стоял, сжав кулаки до побеления костяшек, а ногти впивались в ладони, оставляя следы в форме полумесяцев, сочащиеся кровью.

Он слышал.

Услышал слова Се Линя о том, что плакал он.

Он вспомнил ту аудиозапись в архивной комнате — Он был первым ребёнком, которого я тренировал... Я не могу позволить ему нести клеймо позора.

Он вспомнил тот матч в разгар дождя, когда Се Линь стоял у кромки поля и наблюдал, как тот «безумным бегом» стирал в порошок сложнейшую тактику, а в уголке его губ застыл едва заметный изгиб.

Он вспомнил, как семь лет назад, перед тем как его погрузили на носилки, он вцепился в полу одежды Се Линя и сказал: «Тренер, я всё ещё могу играть».

Тогда Се Линь ничего не ответил.

Он лишь опустил ниже и поцеловал Лу Цзина в лоб.

Словно целуя рассыпающуюся на осколки мечту.

Лу Цзин хотел выругать его.

Выругать за лицемерие, за трусость, за то, что притворяется глубоко чувствующим человеком, за то, что изображает искупление.

Но стоило ему приоткрыть рот, как с языка не сорвалось ни звука.

Впервые в жизни он не стал ругаться.

И не ушёл.

Он просто стоял у окна, похожий на забытую статую.

Се Линь наконец шевельнулся.

Он медленно подошёл к окну и распахнул стекло. Ночной ветер хлынул внутрь, растрепав растрёпанные пряди у него на лбу.

Он не смотрел на Лу Цзина, глядя лишь на уличный фонарь вдалеке, и тихо произнёс:

— Я знаю, что ты слышал.

Лу Цзин по-прежнему молчал.

— Ты отыскал аудиозапись на жёстком диске, — голос Се Линя был очень тих, словно он боялся потревожить сон спящего человека. — Ты должен ненавидеть меня, должен разоблачить меня, должен сделать так, чтобы все узнали: тогда сошёл с ума не ты, это я испугался, что команда будет разрушена, и прикрыл тебя.

Он сделал паузу и наконец повернул лицо в сторону Лу Цзина.

Лунный свет упал на его уголки глаз, где блестели ещё не высохшие следы слёз.

— Но ты ничего не предпринял.

— Почему?

Лу Цзин наконец заговорил, и голос его звучал до того хрипло, что это было невыносимо:

— Потому что...

Он сглотнул, и его кадык задвигался.

— Потому что я боялся: если рухнешь ты, у меня даже не останется человека, которого я мог бы обругать.

Се Линь ничего не ответил.

Он просто протянул руку и мягко прикрыл окно.

Ветер стих.

Ночь стала ещё глубже.

Огни на тренировочном поле по-прежнему горели.

Словно неугасимый маяк.

Словно человек, который ждал семь лет и наконец дождался, пока другой человек не развернётся и не уйдёт.

Лу Цзин не шевелился.

Се Линь тоже стоял неподвижно.

Их разделяло лишь стекло: один внутри, другой снаружи.

Никто из них не произнёс слова прощения.

Никто не сказал «прощай».

Просто на этот раз никто не ушёл.

<http://bllate.org/book/19070/1873131>